

НОМИНОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРАКТИКАХ: К ПРОБЛЕМЕ ОНТОЛОГИИ ИМЕНИ

Афанасьева Э. М.

ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», Кемерово, Россия (650043, Кемерово, ул. Красная, 6), e-mail: elmira_afanaseva@mail.ru

---

В статье исследуется онтология имени в художественных практиках. Категория бытия – центральная для онтологии. Имя, понятое в его соотношении с бытием, получает онтологический статус. Методология исследования этого явления опирается на анализ коммуникативных стратегий. Процесс онтологизации литературного имени связан с номинологическими моделями имяназвания, имявоплощения, имяосмысления. В них задействованы разные субъекты творческого процесса. В акте имяназвания активная роль принадлежит имядателю, который наделяет героя именем и формирует для него «номинологический коридор». Имявоплощение обусловлено процессом личностного самосознания «я» в границах собственного имени. В основе имяосмысления находится эстетическая рефлексия о природе номинологии. Данные модели могут сосуществовать в художественных текстах. Материалом анализа являются произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Козьмы Пруtkова.

Ключевые слова: русская литература, онтология имени, имяназвание, имявоплощение, имяосмысление.

NOMINOLOGICAL MODELS IN BELLES-LETTRES PRACTICE: TO THE PROBLEM OF NAME ONTOLOGY

Afanasieva E. M.

Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education “Kemerovo State University”, Kemerovo, Russia (6 Krasnaya street, Kemerovo, 650043), e-mail: elmira_afanaseva@mail.ru

---

The article studies the names ontology in belles-lettres practice. Category of being is the central one for ontology. The name understood in its correlation with being has got the ontological status. The methodology of this phenomenon research is based on the analysis of communicative strategies. Literary name ontologization process is connected with the nominological models of naming, name personification and name comprehension. They involve different subjects of creative process. In the naming act the active role belongs to one who gives the name to the character and forms “nominological corridor” for him. Name personification is due to the process of “I” personal self-consciousness within the possessed name. At the heart of name comprehension there is aesthetic reflection on the nature of nominology. These models can co-exist in literary texts. The research material is represented by A. S. Pushkin’s, M. Yu. Lermontov’s, Kozma Prutkov’s works.

Keywords: Russian literature, name ontology, naming, name personification, name comprehension.

Введение. Имя, понятое как слово, наделенное сверхсмыслом, постоянно находится в поле внимания литературоведов. Наиболее последовательно теория имени разработана в рамках семиотической школы (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, В. Н. Топоров и др.) и философской оноματοдоксии (А. Ф. Лосев, Ф. И. Буслаев, П. А. Флоренский). Исследование онтологического потенциала художественной номинологии обусловлено поиском ответов на вопросы: «какова природа имени?», «что имя из себя представляет?». В данной статье предлагается методика анализа онтологии имени с учетом номинологических моделей, определяющих его эстетическое бытие.

Имя и личность находятся в поле бытийственной взаимосвязи. Отсюда принципиальность постановки вопроса о степени их тождества или различия. В то же время имя и именование характеризуют специфику взаимоотношений субъекта эстетической

деятельности с воссоздаваемой реальностью. Первостепенным в изучении онтологии имени является выявление его связи как с субъектом, так и с художественным миром. Данная проблема получает несколько дополнительных акцентов интерпретации в процессе осмысления природы номинологии в следующих парадигмах: «я» и «мое имя»; «мое имя» «вне меня»; «я, явленное в имени» и «другой»; «я, явленное в имени» и «другой, явленный в имени»; «мое имя» и «бытие». Комплекс художественно-эстетических взаимоотношений, в которые включены личность, имя, бытие, может быть назван *онтологическим горизонтом* имени.

Актуализация имени собственного в художественном мире отдельного произведения, художественном мире писателя или в авторской мифологии зависит от особенности экспликации субъекта эстетической деятельности. Основными номинологическими моделями являются те, которые придают имени событийный статус. Во-первых, это наречение именем. Во-вторых, репрезентация героя в данном ему имени – имявоплощение. В-третьих, рефлексия над именем собственным, то есть имяосмысление. Данные модели литературной номинологии имеют богатую культурную историю [о культурных моделях см.: 3], соотносимую с мифолого-ритуальными, религиозными, социальными и др. традициями.

Имянаречение – начальный этап формирования личностного пространства с помощью имядателя [8]. Наделение литературного героя именем является фактом его индивидуализации и репрезентации в эстетическом событии. Мотив имянаречения в большинстве случаев соотносится с конкретными обычаями. Например, ситуация выбора имени по святым присутствует в повести Н. В. Гоголя «Шинель». Рефлексия по поводу семейной традиции имянаречения возникает в «Похоронной песне Иакинфа Маглановича» из цикла «Песни западных славян» А. С. Пушкина:

Деду в честь он назван Яном;
Умный мальчик у меня;
Уж владеет атаганом
И стреляет из ружья»

[7: т. 3, кн.1, с. 348]

Однако не всегда данный мотив выражен явно. В некоторых случаях он восстанавливается с помощью контекста. Например, имя главного героя «Капитанской дочки» А. С. Пушкина – Петр Андреевич Гринев – в рецептивной парадигме соотносится с именем отца – Андрей Петрович, что устанавливает родовую преемственность имянаречения: название внука в честь деда.

В ситуации наречения активная роль принадлежит имядателю. Он наделяет именем и тем самым формирует особого рода *номинологический коридор* для его носителя. По своей

природе этот процесс ритуализирован, восходя к переходной обрядности и инициальной основе. Номинологический коридор определяет возможность самореализации героя в заданной именной парадигме (или в отступлении от нее) через актуализацию этимологического значения слова, мифолого-обрядовых архетипов, семейно-родовых традиций и т. д.

Нарушение субъектно-объектных взаимодействий в процессе номинологического волеизъявления порождает, в свою очередь, новые варианты имянаречения. В то время, когда не «другой», а «я» берет на себя функции имядателя, возникает стяжение номинологических полюсов. Примером может служить ситуация самоназвания, когда создается предсказуемый эстетический сценарий в заявленной именной парадигме. Вариантом реализации этой модели также является переименование. П. А. Флоренский описал разные типы ситуаций, связанных со сменой имени. Это переименование в браке, в побратимстве, при вступлении в должность, при монашеском постриге и т. д. [10, с. 523–528]. Каждый из новых номинологических акцентов формирует новые онтологические возможности взаимодействия личности с миром.

Имянаречение может быть вынесено за границы эстетического события, а может быть проявлено в художественном мире произведения. С данной номинологической моделью соотносятся мотивы самонаречения и переименования. Авторской стратегии обнаружения имени в литературном тексте противостоит мотив его сокрытия или утаения.

Если ситуация именованья в большинстве случаев независима от самого человека, то *имявоплощение* определяет позицию личности, являясь фактом наполнения имени сущностным содержанием. Этот процесс очевиден в том случае, когда субъект эстетической деятельности равен своему имени. В художественном произведении есть свои особенности. Как отмечает П. А. Флоренский, «имена гибки и емки, способны вместить самые различные частные обстоятельства, в которых живет данная личность» [10, с. 229]. Подобная «номинологическая гибкость» нередко отражается как в отношении героя к себе (я-для-себя), так в отношении к герою окружающих (я-для-другого). Ономатологическая стратегия конкретного произведения включает в себя весь комплекс именованья. В данном случае важен любой номинологический нюанс, проявленный в тексте: полное имя, уменьшительное, домашнее, именованье по отчеству и др.

В качестве примера проанализируем введение главных героев в художественный мир «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. Традиционно их имена соотносятся с волеизъявлением автора и включаются в культурный контекст пушкинской эпохи [5, с. 542–543, 602, 603]. Обратим внимание на то, *как* вводится имя в роман. Мотив имявоплощения актуализирован в названии текста – «Евгений Онегин» – и появляется в первой главе:

С героем моего романа
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас:
Онегин, добрый мой приятель...

[7: т. 6, с. 5–6]

Несмотря на то, что Онегин представлен как «герой романа», то есть заведомо олитературенный образ, он априори явлен в имени, что подчеркивается имитацией этикетного представления читателю. Акт имянаречения «запаздывает» за имявоплощением, так как появляется только в конце первой главы в контексте рефлексии автора-нарратора:

Я думал уж о форме плана,
И как героя назову;
Покаместь моего романа
Я кончил первую главу...

[7: т. 6, с. 30]

Данный прием можно обозначить как номинологическую инверсию: имя сначала актуализируется, герой уже назван, воплощен в имени, а после этого появляется мотив имянаречения. Подобная ситуация повторяется в представлении Татьяны:

Ее сестра звалась Татьяна...
Впервые именем таким
Страницы нежные романа
Мы своевольно освятим...

[7: т. 6, с. 42]

В данном случае сначала фиксируется ситуация имявоплощения – «звалась Татьяна», а потом следует авторская рефлексия по отношению к имени героини и его введению в роман. Соприсутствие двух номинологических моделей (имявоплощения и имянаречения) подчеркивает сосуществование двух сфер: имитация «реальной» жизни, где герои «независимы» от автора, и создание литературной реальности, в которой все определено волей творца художественного произведения.

Имяосмысление – наиболее продуктивная модель онтологизации имени в литературном произведении. В ее основе находится рефлексия по отношению и к имени (его воплощению, сокрытию, искажению, утрате и т.д.), и к его носителю, и к мирозданию. Субъектом, рефлексирующим о природе имени и именовании, может быть автор, сам носитель имени и «другой» (например, «другой» герой).

Наиболее репрезентативным родом литературы для имяосмысления является лирика. Универсальность лирического мироощущения обусловлена эстетической позицией «я» по

отношению к миру: «лирика исключает все моменты пространственной выраженности и исчерпанности человека, не локализует и не ограничивает героя всего сплошь во внешнем мире, а, следовательно, не дает ясного ощущения конечности человека в мире» [1, с. 188]. Появление в поэтическом тексте конкретного имени скорее исключение, чем правило. В том случае, когда имя эксплицируется в лирике, оно актуализирует онтологическую природу слова через взаимосвязь личности и миропорядка. Данный процесс очевиден и в том случае, когда имя не называется, а становится предметом лирической рефлексии.

В. И. Тюпа, обосновывая отличие перформативного дискурса от нарративного, обращает внимание на мирообразующий принцип лирического текста: «Лирическое слово наследует онтологическую функцию ритуально-магического слова и выступает «мирообразующим» (Гиршман), а не свидетельствующим о мире, как слово нарративное» [9, с. 120]. В том случае, когда мирообразующим становится имя, как вербализованное, так и подразумеваемое, онтологические горизонты уплотняются до сферы пересечения мира и человека. Если онтологическое единство «я» и «мое имя» разрушается, возникает конфликт личности с мирозданием. Ситуация «мое имя» «вне меня» может соотноситься с деструктивным началом, что проявлено в лирике А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова:

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

[7: т. 2, кн.1, с. 210]

Что имя? – звук пустой!
Дай бог, чтоб для тебя оно осталось тайной.
Но если как-нибудь, когда-нибудь, случайно
Узнаешь ты его, – ребяческие дни
Ты вспомни и его, дитя, не прокляни!

[4, с. 162]

Имяосмысление в приведенных фрагментах связано с рефлексией о возможности отрыва имени от личности. Отсюда мотивы смерти и опустошения. При этом рефлексия о «моем имени» одновременно существует в двух коммуникативных парадигмах. Лирический герой сам размышляет о природе именованности и проецирует данную ситуацию в сферу «другого». Не случайно в финалах обоих стихотворений возникает установка на возможность гармонизации изначально деструктивной ситуации.

Номинологическая модель имявоплощения связана с мотивами, определяющими онтологические границы личностного бытия: славы и бесславия, памяти и забвения. В

шутливым варианте это явление воплощено в финальном фрагменте стихотворения Козьмы Пруткова «Честолюбие»:

Дайте череп мне Сенеки;
Дайте мне Вергилиев стих, –
Затряслись бы человеки
От глаголов уст моих!
Я бы, с мужеством Ликурга,
Озираясь кругом,
Стогны все Санктпетербурга
Потрясал своим стихом!
Для значения инова
Я исхитил бы из тьмы
Имя славное *Пруткова*,
Имя громкое *Козьмы*!

[выделено в оригинале: 6, с. 30]

Пародийная личность Пруткова воссоздана с ориентацией героя на имена великих людей и желания «громкой славы». Однако мозаичный набор устремлений преобразует ситуацию имявоплощения в претензию на то, чтобы быть великим поэтом.

Онтология имени в эстетической реальности формируется на основе номинологических моделей имянаречения, имявоплощения, имяосмысления. В каждой из этих моделей задействованы разные субъекты творческого процесса. В акте имянаречения активная роль принадлежит имядателю, то есть «другому». Имявоплощение связано с самосознанием «я» в собственном имени, актуализацией в нем личностного бытия. Третья модель – имяосмысление – представляет собой эстетическую рефлексию над природой слова, наиболее близко соприкасающегося с личностью или отождествляемого с нею. Имяосмысление не просто обуславливает взгляд на себя со стороны, но и предполагает относительно автономное бытие имени.

Номинология потенциально соотносится с рефлексией по поводу прошлого (исторического, генеалогического, религиозного) и представлениями о будущем. Через утрату, забвение имени стирается память о личности. В то же время память способна продлить бытие человека. Данные аспекты номинологии определяют онтологию имени в художественных практиках.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 9–226.
2. Булгаков С. Н. Философия Имени. – СПб.: Наука, 1998. – 448 с.
3. Головчинер В. Е. К проблеме понятия *культурная модель*. Системы и модели в литературоведении (размышления на заданную тему) // Трансформация и функционирование культурных моделей в русской литературе. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. – С. 3–11.
4. Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. – Т. 2. – М.; Л.: АН СССР, 1954. – 386 с.
5. Лотман Ю. М. Пушкин. – СПб.: Искусство-СПб, 1995. – 847 с.
6. Прутков Козьма. Сочинения. – М.: Правда, 1986. – 416 с.
7. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. / А. С. Пушкин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
8. Топоров В. Н. Имена // Мифы народов мира: в 2 т. – М.: Рос. энцикл.; Смоленск: Фирма «Русич»; Минск: Произв.-коммерч. предприятие «Дилер», 1994. – Т. 1. – С. 508–510.
9. Тюпа В. И. Дискурс / Жанр. – М.: Intrada, 2013. – 211 с.
10. Флоренский П. А., священник. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 2000. – Т. 3 (2). – 623 с.

Рецензенты:

Головчинер В. Е., д.фил.н., профессор кафедры литературы ФГБОУ ВПО «Томский государственный университет», г. Томск.

Фуксон Л. Ю., д.фил.н., профессор кафедры теории литературы и зарубежных литератур ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Кемерово.